

МАГИЯ ПОРТРЕТА ЗАМЕТКИ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

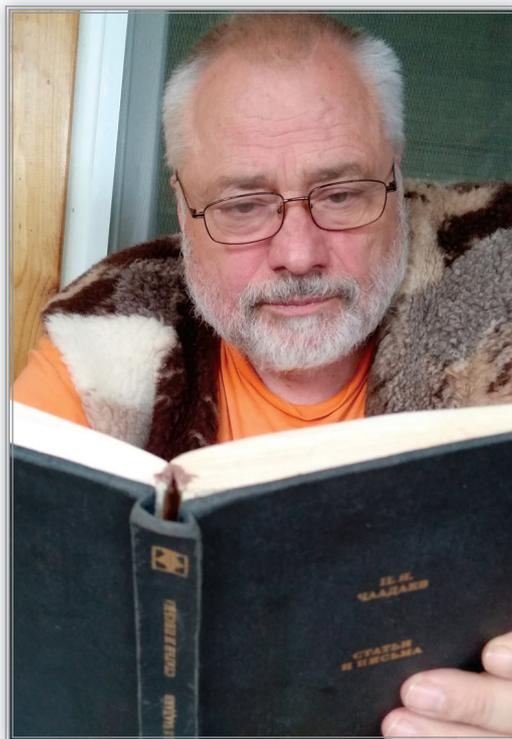
Владимир Карлович Кантор

Главный редактор журнала
«Философические письма».

Русско-европейский диалог».

Доктор философских наук,
ординарный профессор.

Заведующий Международной
лабораторией русско-европейского
интеллектуального диалога НИУ ВШЭ

Мы предлагаем читателю второй номер нового журнала по философии культуры «Философические письма. Русско-европейский диалог». Первый номер, судя по откликам, имел успех. В новом номере мы продолжаем главную тему. И сейчас речь пойдет о явлении, без которого в XIX — начале XX вв. культурный диалог не мыслился: о портретном искусстве.

Мне хотелось бы показать портретную переключку двух гениев, окормляющих наш журнал, двух великих мыслителей России — Пушкина и Чаадаева. Кстати, именно на Басманной (правда, на Новой) жил в последние годы Чаадаев. А Пушкин был при рождении крещен в Елоховской церкви. Но не менее важно и понимание их зрительных образов. Интересно, как визуальный ряд работал в контексте диалога. Оба автора принадлежали к типу мыслителей, которых мы называем «русские европейцы». Уже к концу XVII столетия знакомство с культурой барокко связало русское слово и его визуализацию. А начиная с XIX в. русское слово стало тесно соприкасаться с портретной живописью, портрет стал частью духовной жизни литературно-философского сообщества.

Интересно, что именно через портреты Пушкин вводил себя и своего друга Чаадаева в европейский контекст. Начало знакомства Пушкина и Чаадаева относится к 1816 г., когда Чаадаев был переведен корнетом в Гусарский лейб-гвардии полк, расквартированный в Царском Селе. Юношу-лицеиста и блистательного молодого военного познакомил в Царском Селе великий историк, наверное, первый русский европеец Николай Карамзин. Возникшая дружба послужила своего рода началом становления нового в России самоощущения русской интеллектуальной молодежи. Они мерили отныне

Неизвестный художник.
Портрет П. Я. Чаадаева
в мундире Ахтырского полка.
1816

себя по европейскому лекалу. **И вот первый поэтический отклик Пушкина** (1818–1820 гг.) на ранний портрет Чаадаева в мундире Ахтырского гусарского полка (атрибутирован С. А. Экштутом): так задается и уровень интеллектуального общения, и направленность мысли, а вдобавок обозначаются оковы судьбы (царская служба), в которых томится адресат:

Он вышней волею небес
Рожден в оковах службы царской;
Он в Риме был бы Брут, в Афинах Периклес,
А здесь он — офицер гусарской.

«Я люблю мое отечество, как Петр Великий научил меня любить его», — писал Чаадаев. И Пушкин, и Чаадаев были порождены великим переворотом Петра.

Недаром Николай Бердяев писал: «Многие наивные и непоследовательные люди думают, что можно отвергнуть Петра и сохранить Пушкина, что можно совершить разрыв в единой и целостной судьбе народа и его культуры. Но Пушкин неразрывно связан с Петром, и он признавал эту органическую связь» (Бердяев, 1999: 237). Об этом говорили и Цветаева, и Бунин, и Мережковский. Недаром эпоха от Петра Великого до Октябрьского переворота в сознании русских интеллектуалов утвердилась как петровско-пушкинская. А город Петербург, как писал Бунин, был создан Петром и Пушкиным. Переживая сейчас столетие со дня исторической катастрофы 1917–1918 гг., в результате чего затонула, как некогда мифическая Атлантида, культура огромного государства вместе с его столицей, стоит вспомнить лица (лики!) людей, вдохнувших жизнь в петровское здание. И понять, как они признавали сами себя и свой облик в этой стране.

Глядя на портрет Чаадаева, Пушкин провидит за физическими чертами дух республиканца Брута, а также создателя законов великих Афин — Перикла. Это уровень, на который они ориентировались. Это европейский контекст, в котором они хотели существовать. Не случайно еще одно, программное, стихотворение Пушкина, обращенное к Чаадаеву, заканчивалось строками, заставляющими опять вспомнить Брута:

Товарищ, верь: взойдет она,
 Звезда пленительного счастья,
 Россия вспрянет ото сна,
 И на обломках самовластья
 Напишут наши имена!

(1818)

Тогда Россия окончательно, казалось молодому Пушкину, станет достойна внимания Европы. Это ясно и по отклику поэта на свой портрет, созданный романтиком Орестом Кипренским.

О. А. Кипренский.
 Портрет А. С. Пушкина.
 1827

Кипренскому

Любимец моды легкокрылой,
 Хоть не британец, не француз,
 Ты вновь создал, волшебник милый,
 Меня, питомца чистых муз, —
 И я смеюсь над могилой,
 Ушед навек от смертных уз.

Себя как в зеркале я вижу,
 Но это зеркало мне льстит.
 Оно гласит, что не унижу
 Пристрастия важных аонид.
 Так Риму, Дрездену, Парижу
 Известен впредь мой будет вид.

В портрете виделось и преодоление смерти, и, что еще важнее на тот момент для *невыездного* Пушкина, возможность пересечь границы Российского государства и оказаться *в своей Европе* — пусть опосредованно, только в качестве собственного изображения. Не случайно Юрий Лотман писал, что портрет постоянно колеблется на грани художественного удвоения и мистического отражения реальности. Этот жанр живописи мифогенен по своей природе. «Себя как в зеркале я вижу», написал поэт, а зеркало имело, по всем поверьям, магические свойства усиливать образ человека, попутно выявляя его внутреннюю сущность.

Чаадаевских портретов мы знаем очень немного. Но те, что знаем, показывают взросление и преодоление желания минутного успеха. В пушкинском отклике («Полководец», 1835) на портрет Барклая де Толли, соз-

данный английским художником Джорджем Доу, строка «Чело, как череп голый» невольно сегодня заставляет образованного читателя вспомнить Чаадаева.

О вождь несчастливый! Суров был жребий твой:
Все в жертву ты принес земле тебе чужой.
Непроницаемый для взгляда черни дикой,
В молчанье шел один ты с мыслию великой,
И, в имени твоём звук чуждый невлюбя,
Своими криками преследуя тебя,
Народ, таинственно спасаемый тобою,
Ругался над твоей священной сединою.
И тот, чей острый ум тебя и постигал,
В угоду им тебя лукаво порицал...

Через год состоялась публикация первого из «Философических писем» Чаадаева. Высочайшая ложь — объявить мыслителя сумасшедшим. Студенты выразили желание оружием ответить на этот текст. Попечитель Московского университета граф С. Г. Строганов остановил их, сказав, что на слова надобно отвечать словами, а не оружием. Словами ответил Пушкин. Вот строки из его гениального письма 19 октября 1836 г.: «Я далеко не восторгаюсь всем, что вижу вокруг себя; как литератора — меня раздражают, как человек с предрассудками — я оскорблен, — но клянусь честью, что ни за что на свете я не хотел бы переменить отечество или иметь другую историю, кроме истории наших предков, какой нам Бог ее дал». Есть выработанные цивилизованным человечеством ценности, которые надлежит отстаивать: честь, достоинство, независимость, право на свободный труд, свою «обитель трудов и чистых нег», творческую свободу — короче, строй и лад. Этот строй и лад и хотели дать России Петр и Пушкин.

Мудрость великого поэта очевидна. Не отрицать обстоятельства, а найти себя, несмотря ни на что, преодолеть глупость и пошлость власти — вот задача мыслителя. Преодолеть и церковное насилие, и узколобость различных конфессий. И вот еще строчки, обращенные к Чаадаеву, из более раннего письма: «Вы видите единство христианства в католицизме, то есть в папе. Не заключается ли оно в идее Христа, которую мы находим также и в протестантизме? Первоначально эта идея была монархической, потом она стала республиканской» (1831). К идее надконфессионального христианства русские религиозные мыслители-изгнанники пришли только в середине XX в. Пушкин и вправду был библейский мудрец, обогнавший время или живший между временами.

Мудрость пришла к нему рано. Он быстро вырос. И если в 1818 г. он ждал обломков самовластья, на которых будут написаны имена его ниспровергателей, то в 1824 г. посыл совсем другой:

Чадаев, помнишь ли бывшее?
Давно ль с восторгом молодым
Я мыслил имя роковое
Предать развалинам иным?
Но в сердце, бурями смиренном,
Теперь и лень и тишина,
И, в умиленье вдохновенном,
На камне, дружбой освященном,
Пишу я наши имена.

Посмотрим его предсмертный портрет, написанный И. Линевым, последний прижизненный портрет поэта. Хотел ли Линева придать ему такое выражение, но только на этом портрете я вижу очевидные черты библейского мудреца.

У этого портрета тоже не очень простая история. Художник был не слишком известный, но современники признавали, что ему удалось ухватить реальные черты поэта. Сохранились две записки Жуковского Пушкину, в которых Василий Андреевич просит Александра Сергеевича позировать живописцу. Имя живописца не названо, но, вероятнее всего, это был Линева. Ведь именно в его дом привез Иван Тургенев прядь волос умершего Пушкина — бесценную реликвию.

Имеваший в Лицеа прозвище Француз, Пушкин был в 1837 г. убит французом. Более того, мальчишкой. 24-летний жиголо смертельно ранил зрелого мужа, 37-летнего мудреца. Стоит сравнить библейское лицо поэта и лицо французского бонвивана. Портреты несут свою магию: магия мудреца и гения и магия ничтожества, показывающая бессмысленность существа в облике человека. Похоже, Пушкин продолжил работу Петра — противостояние России Западу, но своей собственной судьбой. Он не вписывался в схему *интеллектуально слабой* России. Великого поэта француз не воспринимал как равного ему по интеллекту противника: он же не француз.

И. Л. Линева.
Портрет А. С. Пушкина.
1836

Гравюра с портрета работы неизвестного художника (Т. Райта?).
Жорж Дантес.
1830-е гг.

Необычность смерти «умнейшего мужа России» почувствовал и выразил великий Лермонтов. Гусар, как и Чаадаев.

Его убийца хладнокровно
Навел удар... спасенья нет:
Пустое сердце бьется ровно,
В руке не дрогнул пистолет.
<...>
Смеясь, он дерзко презирал
Земли чужой язык и нравы;
Не мог щадить он нашей славы;
Не мог понять в сей миг кровавый,
На что он руку поднимал!..

Бунин, когда писал о Пушкине, употреблял *Он*, *Его*, *о Нем*, то есть с прописной буквы, как о Богочеловеке. А Иван Шмелев сформулировал так: «Есть у народов письмена-откровения. В години поражений и падений через них находят себя народы: в них — воскрешающая сила. Пушкин — вот наше откровение, вот *тайна*, которую мы как будто разгадали» (Шмелев, 1999: 177). Разгадали потому, что Пушкин сам и есть разгадка судьбы России, как Христос — судьбы человечества. Не случайно с такой страстной любовью (как ни у одного писателя!) изучен каждый его шаг, каждое его слово, каждая за-

писка или обмолвка. И в итоге про него, про единственного, можно сказать, что он есть «путь и истина» России.

А как же последний портрет Чаадаева? Он тоже заслуживает рассказа и небольшой истории. Кто же создал этот портрет?

В 1847 г. Чаадаев писал Н. Д. Шаховской: «Сегодня я позирую для портрета карандашом, предназначаемого Тютчеву. Художник, которого вам рекомендую, — зовут его Петровский — пожелал сделать мой портрет даром» (Чаадаев, 1991: 364). Этот — карандашный — портрет неизвестен, однако исследователям знакомы два других, выполненных маслом. Можно предположить, что хотя бы один из них написан тем же Петровским. Во всяком случае, с одного из них (погрудного, Чаадаев изображен на $\frac{3}{4}$ вправо, в плаще с меховым воротником) была при посредстве С. Д. Полторацкого выполнена литография (ныне в Государственном Историческом музее). Литографии Чаадаев дарил.

Тютчев рассказывал знакомым следующий «характеристический анекдот» о сотрудничестве Чаадаева с Петровским: «задумал Чаадаев подарить друзьям свой портрет масляными красками. Найден был живописец, молодой и талантливый человек, усердно принявшийся за работу, но эта работа сделалась для него тяжким мучением. Чаадаев заставлял его переделывать портрет не менее пятнадцати раз, так что несчастный художник воскликнул однажды:

— Откровенно признаюсь, что я не могу равнодушно смотреть на вас, писать два или три месяца одно и то же лицо — это ужасно!

— Мне остается только сожалеть, — возразил ему с невозмутимым спокойствием Чаадаев, — что вы, молодые художники, не подражаете вашим предшественникам, великим мастерам XV и XVI веков, которые не тяготились воспроизводить один и тот же тип.

— Какой же это?

— Тип Мадонны» (Воспоминания Феокистова, 1929: 63).

Замечательно сказано: тип людей, созданный вдохновением Великого Художника — Бога и несущий в себе его магическую силу.

По получении портрета (как бы он ни выглядел и в какой бы технике ни был создан) великий поэт и мыслитель Федор Тютчев ответил Чаадаеву (1847): «Наконец-то, дорогой Петр Яковлевич, в моих руках прекрасный подарок, любезно вручаемый мне вашей дружбой. Я был польщен и тронут более, чем могу то выразить. В самом деле, я мог ждать только скромной литографии, судите же, с каким признательным удивлением я получил от вас прекрасный портрет, столь удовлетворяющий всем желаниям и обращенный... столь обязательно именно ко мне... Говоря по-здешнему, я уподобился человеку, ожидавшему простого Станислава и вдруг увидевшему себя украшенным Анной на шее с бриллиантами... Еще раз примите выражения моей сердечнейшей

Петр Яковлевич Чаадаев.
Середина 1840-х гг.

благодарности. Портрет очень хорош, очень похож, и притом это сходство такого рода, что делает великую честь уму художника. Это поразительное сходство навело меня на мысль, что есть такие типы людей, которые словно медали среди человечества: настолько они кажутся делом рук и вдохновения Великого Художника и настолько отличаются от обычных образцов ходячей монеты...» (Тютчев, 1980: 116).

Думаю, уместно эту небольшую заметку закончить строчками Пушкина, адресованными всем — современникам и потомкам, то есть нам с вами.

О люди! жалкий род, достойный слез и смеха!
Жрецы минутного, поклонники успеха!
Как часто мимо вас проходит человек,
Над кем ругается слепой и буйный век,
Но чей высокий лик в грядущем поколенье
Поэта приведет в восторг и в умиление!

Как я уже поминал, Чаадаев был объявлен сумасшедшим, а поздний Пушкин не принимался даже друзьями — мол, «исписался». Его поздние лучшие произведения были опубликованы П. В. Анненковым только в 1855 г. Они хранились в сундуках у вдовы поэта, которая готова была их уже отдать куда угодно. По счастью, подвернулся крупный литератор. И читатели вдруг увидели, что поздние стихотворения Пушкина, едва ли не каждое — шедевр. К концу жизни

он стал героем гнусной сплетни, общество уже не обращало внимания на его поэзию. Он испытал почти поражение в глазах публики. Таково было общественное мнение. И только пару десятилетий после его гибели стало понятно, что **закатилось солнце русской поэзии.**

Магия лика преодолела безликость толпы.

Но философам тем более необходимо преодолевать жажду минутного успеха, чтобы идти, как писал древнегреческий мудрец Парменид, путем истины, а не мнения. И судьбы русских гениев показывают справедливость слов, что мнение может быть у толпы сколь угодно много, но истина одна.

Ш. Козина.
Портрет П. Я. Чаадаева.
1848

Литература

- Бердяев Н. А.* (1999). Россия и Великороссия // Бердяев Н. А. Духовные основы русской революции. Опыты 1917–1918 гг. СПб.: РХГИ.
- Тютчев Ф. И.* (1980). Сочинения в 2-х т. М., Правда. Т. 2.
- Шмелев И. С.* Пушкин: 1837–1937 (Речь, прочитанная на торжественном собрании в Варшаве 11 февраля 1937 г.) // «В краю чужом...» Зарубежная Россия и Пушкин. / Сост., вступит. статья, комментарии М. Д. Филина. М.: Русский миръ; Рыбинск: Рыбинское подворье, 1998. С. 175–178.
- Чаадаев П. Я.* (1991). ПСС и избранные письма: В 2 т. М.: Наука. Т. 2.
- Воспоминания Е. М. Феоктистова (1929). За кулисами политики и литературы. 1848–1896 / Редакция и примечания Ю. Г. Оксмана; Вводные статьи А. Е. Преснякова и Ю. Г. Оксмана. Л.: Прибой.

References

- Berdyayev N. A.* (1999). Rossiya i Velikorossiya // Berdyayev N. A. Duhovnyye osnovy russkoj revolyucii. Opyty 1917–1918 gg. SPb.: RHGI.
- Tyutchev F. I.* (1980). Sochineniya v 2-h t. M., Pravda. T. 2.
- Shmelev I. S.* Pushkin: 1837–1937 (Rech', pročitannaya na torzhestvennom sobranii v Varshave 11 fevralya 1937 g.) // «V krayu chuzhom...» Zarubezhnaya Rossiya i Pushkin. / Sost., vstupid. stat'ya, kommentarii M. D. Filina. M.: Russkij mir'; Rybinsk: Rybinskoe podvor'e, 1998. S. 175–178.
- Chaadaev P. Ya.* (1991). PSS i izbrannye pis'ma: V 2 t. M.: Nauka. T. 2.
- Vospominaniya E. M. Feoktistova (1929). Za kulisami politiki i literatury. 1848–1896 / Redakciya i primechaniya Yu. G. Oksmana; Vvodnye stat'i A. E. Presnyakova i Yu. G. Oksmana. L.: Priboj.